

И.Ю. Светликова

КОММЕНТАРИЙ К ПОЛЕМИКЕ П.А. НЕКРАСОВА С ДАРВИНОВСКОЙ ТЕОРИЕЙ

«ИСТИННЫЕ СВИДЕТЕЛИ религиозного критерия предлагают желающим чаще жить чистым сознанием и пользоваться его простым, общедоступным опытом, для которого лабораторией служит то келья подвижника, то подвижническая общественная арена. Чувствовали же с его сознанием, погруженное в область, в которой распространяются как физические видимые и невидимые лучи и токи и индукции на расстоянии, так и интеллектуальные индукции и дедукции, связано многочисленными тончайшими путями восприятия (познания) и влияния (интеллектуального действия) с “не-я”. Если эти пути приведены в действие с одного конца, то влияние передается другому концу. При таких условиях для положительных вдохновенных нужны лишь незаглушенная жизнь чистого сознания и напряженное внимание <...>, желание и усилие познать нравственную Истину: просите и вам дадут; постучите в дверь и вам отворят» (Некрасов 1904. С. 68–69).

Несмотря на довольно темный язык, основной смысл цитированного фрагмента представляется ясным: в качестве средства познания “нравственной Истины” рекомендуется погружение в мистический транс. Под истиной, в данном случае, подразумевается определенное понимание эволюционного процесса: автор полемизирует с дарвинизмом и стремится доказать, что движение человечества “по пути умственного и нравственного прогресса” – следствие деятельности “вдохновенных людей”, которые служат проводниками “высших разумных начал”:

“Работа... вдохновенных людей и движет, главным образом, человечество по пути умственного и нравственного прогресса. Таков рациональный закон творчества, которое можно назвать истинною (не слепую) эволюцией. Если взглянуть на исторический процесс в его отдаленном и близком прошлом с точки зрения истинного рациона-

лизма <...>, то увидим особую эволюцию, и эта мировая и социальная эволюция представится разумным созданием, чуждым иррационализму; <...> высшие разумные начала самостоятельно существовали *всегда* в мировой жизни, а затем сообщены были человеческому роду в лице его родоначальников” (Там же).

Мы находим эти рассуждения в несколько неожиданном источнике, а именно в сочинении президента Московского математического общества П.А. Некрасова (1853–1924), посвященном памяти его учителя, предыдущего президента общества, Н.В. Бугаева (1837–1903) и опубликованном в журнале “Математический сборник”. Этот объемный труд носит название “Московская философско-математическая школа и ее основатели” и занимает весь первый номер 25-го тома “Математического сборника”. Несмотря на название журнала и профессию автора, перед нами не математическая работа. Фрагментов, касающихся собственно математических проблем, здесь совсем немного. “Московская философско-математическая школа и ее основатели”, сочинение, от которого происходит известное название крайне мало изученного направления мысли начала XX в., представляет собой манифест Московского математического общества, в котором новый его президент формулирует стоящие перед обществом задачи. Одна из них заключалась в пропаганде математики как дисциплины, которой предстоит стать основой всеобъемлющего религиозно-философского мировоззрения.

Как и другие работы П.А. Некрасова, начиная с “Философии и логики науки о массовых проявлениях человеческой деятельности” (1902), “Московская философско-математическая школа” – произведение чрезвычайно путаное и хаотичное. Тем не менее стремление автора представить математику как науку, согласную с христианским учением, выражено с предельной отчетливостью. Исследователи не раз указывали на то, что концепции Некрасова были тесно связаны с его приверженностью православию. Однако характер его религиозных взглядов нуждается в комментарии. Приведенное выше описание мистического трансa, благодаря которому открывается “Истина”, свидетельствует о знакомстве Некрасова с источниками, которые хоть и не

всегда воспринимались православной ортодоксией как нечто неприемлемое, но далеко не во всем совпадали с ее учением. Из каких именно источников Некрасов почерпнул представление о “токах”, “лучах” и “влияниях” как проводниках знания, неясно. Однако материалы, хранящиеся в архиве его учителя Бугаева, позволяют понять, о каком круге источников идет речь.

1. Одним из самых ценных документов, сохранившихся в архиве Бугаева, является каталог его библиотеки (Уланова 2008. С. 54–55; Светликова 2011. С. 124–125). В нем, в частности, имеется раздел под названием “Космология. Теология”. Под этой рубрикой мы находим весьма пеструю смесь сочинений (от Спинозы до Фламариона), включавшую и работы по спиритизму: книгу Алана Кардека “La g n se, les miracles et les pr dictions selon le spiritisme” (“Бытие, чудеса и предсказания согласно спиритизму”, 1868) и русский перевод статей Вильяма Крукса “Researches in the phenomena of spiritualism” (“Спиритуализм и наука”, 1872).

О том, что Бугаев покупал эти книги не из любви к колоритным курьезам и не из полемических соображений, свидетельствует следующий пассаж из его лекции по теории вероятностей:

“Первые мысли об антиподах, о движении земли, не имея аналогии с понятиями тогда господствовавшими, возбудили сильные возражения и споры. Подобным образом и в наше время, столодвижение, писание тарелками и т. п. не достигли общего доверия, по крайней мере, между естествоиспытателями, несмотря на разнообразие и многочисленность наблюдений, потому что они не представляли никакой аналогии с известными нам явлениями”.

Таким образом, вопреки позднейшим воспоминаниям его сына (Бельй 1989. С. 231), Бугаев вполне разделял отношение к спиритизму, распространенное в среде Московского психологического общества, членом которого он был. Как хорошо известно, спиритизм, наряду с медиумическими явлениями и гипнотизмом, часто обсуждался и в специальной, и в популярной психологической литературе того времени. Сравнение передачи

мыслей на расстоянии и во времени с электромагнитной индукцией и “лучами” часто использовалось именно в такого рода литературе.

В качестве примера можно привести книгу одного из любимых авторов Бугаева Камилла Фламариона “Неизвестное и проблемы психизма” (“L’inconnu et les probl mes psychiques”, 1900), которая, как и множество других его сочинений, была переведена на русский язык. Один из ключевых тезисов книги следующий:

“Мысль способна передаваться от одного духа к другому. Несомненно возможна передача мыслей, мысленные внушения, психические токи между душами. Пространство не является препятствием, и время иногда тоже уничтожается” (Фламарион 1902. С. 213).

Фламарион предлагает также описание возможного механизма подобной передачи:

“Дознано в физике, что эфир, эта невесомая жидкость <...> наполняет пространство и проникает сквозь все тела, и что даже в самых плотных минералах атомы не соприкасаются, а, так сказать, плавают в эфире.

Эта жидкость передает в пространстве волнообразные колебания, производимые в ее среде светозарными вибрациями звезд; она же передает свет, теплоту, притяжение на громадные расстояния.

Что тут удивительного, что это вещество, проникая... сквозь наш мозг, передает на расстояние различные токи и устанавливается настоящий обмен симпатий и мыслей между мыслящими существами, между обитателями одного и того же мира и, быть может, даже сквозь пространство между землей и небом?

Не трудно постигнуть, что в известных случаях, при известных условиях, волнообразное движение, ток, более или менее сильный, устремляется из какой-нибудь точки мозга и ударяет в другой мозг, сообщает ему внезапное возбуждение, которое выражается в впечатлении зрения или слуха” (Там же. С. 193).

“Токи”, “влияния” и “индукции” из цитированного в начале пассажа Некрасова подсказаны современной литературой, по-

священной тем же вопросам, что и “Неизвестное” Фламариона. Последний не предлагал оригинального объяснения описываемых им явлений, но опирался на широко распространенные взгляды (русский читатель мог с ними ознакомиться, например, по публикациям журнала “Ребус”). Несмотря на стремление представить философию московских математиков как совершенно согласную с православным учением, Некрасов обращался к источникам, сомнительным с ортодоксальной точкой зрения. При этом приведенный пассаж интересен не только благодаря описанию транс – описанию, в котором отложились следы знакомства с “неортодоксальной” литературой, которая привлекала и Бугаева, – но и благодаря изложенной здесь идее эволюции как результата деятельности “вдохновенных людей”. Учитывая контекст, в котором складывались взгляды Некрасова, можно предположить, что подобное представление было обязано не только и не столько христианской традиции, сколько традиции, которая нередко изобличалась как враждебная христианству.

2. Из воспоминаний Сергея Соловьева мы знаем, что “квартира Бугаевых была насыщена духом Индии” (Соловьев 2003. С. 171). Каталог библиотеки Н.В. Бугаева был составлен не позднее 1881 г., т. е. раньше увлечения Блаватской, которое, как пишет далее Соловьев, захватило все семейство Бугаевых. Тем не менее в каталоге мы находим имя автора, одна из книг которого проливает свет на характер позднейшего интереса к Индии. Первой в разделе под названием “История математики” фигурирует книга киевского математика М.Е. Ващенко-Захарченко “Исторический очерк математической литературы халдеев” (1881). В следующем году он опубликовал “Исторический очерк математической литературы индусов”. Его взгляд на историю индийской математики отмечен влиянием популярной в Европе в XIX в. идеи арийского возрождения, согласно которой памятники литературы, философии и науки Древней Индии, систематическое изучение которых началось в XVIII в., должны были стать стимулом нового возрождения. Предполагалось, что последнее превзойдет по своему значению возрождение XIV–XVI вв., у истоков которого было открытие культурных памятников ан-

тичности. “Исторический очерк математической литературы индусов” заканчивается следующим сравнением древних индийской и греческой с современной европейской математикой:

“Наравне с созерцательным направлением в науках, мы видим у индусов необыкновенную склонность к отвлеченным – абстрактным частям математических наук, например, в их Арифметике, Алгебре и Анализе. Направление это у индусов столь же характерно, как направление пространственных форменных представлений греков, которые были также односторонни в своих взглядах, как индусы в своих. Новейшие европейские математики сумели оба эти направления соединить. Бесспорно, направление греческих геометров, в дальнейшем развитии наук математических, было менее природно новейшим геометрам, чем приложение отвлеченных алгебраических законов к таким геометрическим представлениям, которые недоступны непосредственному представлению. Эллиптические интегралы и обратные им функции различных порядков, пространства различных измерений – не суть ли это различные степени неба, в которых восседают индусские боги? <...> Иными словами, направление и метод индусов ближе к новейшим математикам, чем направление и методы древних греческих геометров” (Ващенко-Захарченко 1882. С. 76).

В открытиях современной математики автор видит возвращение к принципам древнего индийского знания. Его явный энтузиазм, диктующий сравнение концепций современной математики со “степенями неба” и восседающими в нем богами, возможно, свидетельствует о том, что Ващенко-Захарченко не просто излагает определенные исторические сведения, которые находит достоверными, но скорее принимает за достоверные сведения, связанные с определенной идеологией. О том же, как кажется, говорит и начало книги, где дается описание умственного склада индусов, с характерным акцентом на превосходстве последних перед греками:

“Взгляд индусов на внешний мир был гораздо шире и величественнее, чем воззрения древних греков. В своей философии они достигли того, что от рассмотрения тел природы они перешли к пред-

ставлениям о бесконечном, безграничном, бесформенном, вечном; на мир они стали смотреть как на нечто превратное, проходящее; представление о форме и виде уступило место понятиям о веществе и божественном начале” (Там же. С. 1).

Мы не располагаем доказательством знакомства Бугаева с “Историческим очерком математической литературы индусов”. Однако нет сомнений, что изложенные в этой книге идеи были известны в его кругу. Ученик Бугаева В.В. Бобынин в статье “Математика” Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона проводит похожее сравнение “национального гения” индусов и греков:

“Народом, одновременно с греками стоявшим во главе умственного развития человечества, были индусы. Это положение было занято им, впрочем, значительно ранее греков, как это можно видеть из того, что в то время, когда греки были еще скромными учениками египтян, слава о мудрости браминов уже гремела на Востоке. До нас дошли даже темные известия, что учиться этой мудрости ездили в Индостан и некоторые из греков, именно Пифагор и Демокрит из Абдеры. Как показывают две великие религиозные системы, созданные индусами, браманизм и буддизм, национальными чертами индусского гения были склонность к философскому созерцанию, к умозрениям, стремящимся проникнуть в самую сокровенную сущность вещей и постичь необъятное и непостижимое, и стремление к построению таких систем философско-религиозного мирозерцания, которые, представляя стройное логическое целое, давали бы ответы на все великие и труднейшие вопросы и загадки, представляемые жизнью макрокосма и микрокосма, вселенной и человека. Направленные исключительно на познание внутренних отношений между вещами, индусские умозрения весьма мало заботились о внешних преходящих формах. В этом отношении индусы резко отличаются от греков, для которых так много значила форма. Занятия геометрией как наукой, имеющей очень много дела с формами, должны были поэтому представлять для индуса гораздо менее привлекательности, чем для грека. Другое дело – наука чисел. Уже одно созерцание ряда чисел, уходящего всюду в бесконечность как при своем продолжении в обе сто-

роны, так и в промежутках между каждыми двумя его членами, могло, хотя отчасти и кажущимся образом, приближать мысль к постижению идеи бесконечности. <...> Различия в характере национального гения у индусов и греков сказались и в различиях склада и направления способности мышления у тех и других. <...> В исследовании они [индусы] обращают внимание главным образом на идеи и представления и гораздо менее на понятия. Вследствие этого, очень много теряя в определенности и строгости, они выигрывают в глубине и широте” (Бобынин 1896. С. 789–790).

Уже ко времени появления книги Ващенко-Захарченко европейские историки математики стали скептически относиться к представлению о превосходстве индийской математики перед греческой и к мысли о том, что открытия современной европейской математики были известны индийцам. К моменту выхода цитированной статьи Бобынина идея арийского возрождения, с которой был связан энтузиазм по поводу индийской математики, утратила значительную долю своего авторитета, став в основном достоянием не специальной литературы (главным образом, теософской). Бобынин был весьма сведущим историком и не мог не знать работ, оспаривавших то представление об индийской математике, которое нашло выражение в написанной им энциклопедической статье. Одной из причин, определивших его приверженность устаревшим взглядам, могло быть сходство предполагаемых свойств “индийского гения” – стремление к построению всеобъемлющего философско-религиозного мирозерцания, стремление к постижению сокровенной сущности вещей и пренебрежение формой – с широко распространенными представлениями о русском складе ума. Косвенным подтверждением существования подобной аналогии служит опубликованная в Одессе брошюра “Великий счет” (1922), большая часть которой посвящена индийской математике. Однако одна из ее глав носит название “Старинная русская нумерация” и содержит рассуждения о сходстве индусов и славян:

“В старинных русских арифметических рукописях можно найти систему, подобную индусской. По-видимому, русские славяне, как и

индусы, были особенно склонны к размышлению над числами. Быть может, благодаря этой же национальной особенности, наши математики – Чебышев, Бугаев, Вороной – выделились, главным образом, исследованиями по теории чисел” (Филиппов 1922. С. 12–13).

Увлечение Бугаева Индией следует связывать с двумя обстоятельствами. Во-первых, с его крайним антисемитизмом, который следует рассматривать как в контексте его консервативных политических взглядов (Светликова 2011. С. 126–128), так и в контексте европейской традиции противопоставлять наделявшихся всеми пороками семитов благородным и изобретательным арийцам. Во-вторых, с упомянутой выше точкой зрения на историю математики – точкой зрения, опиравшейся на идею арийского возрождения и пересекавшейся с той же традицией противопоставления семитов и арийцев, – в рамках которой индийская математика выступала провозвестницей новейшей европейской математики. Принимая во внимание, что Бугаев считал русских арийцами (Некрасов 1904. С. 240), можно осторожно предположить, что приведенные взгляды на характер индийской математики могли влиять на мысли Бугаева о задачах Московского математического общества. Он подчеркивал, что общество должно воспитывать не узких специалистов, но математиков-философов. Бугаев сам выступил в этой роли и попытался положить начало всеобъемлющему философскому мировоззрению, основанному на математике, еще точнее – на теории чисел (аритмологии), которая, как видно по приведенным цитатам, считалась особенно близкой “индийскому гению”.

В книге Некрасова, посвященной памяти Бугаева и формулирующей идеологическую платформу московских математиков, мы обнаруживаем тот же комплекс политического консерватизма и антисемитизма, который был характерен и для Бугаева и который впоследствии привел Некрасова к участию в черносотенном движении (Светликова 2011. С. 132–137). Именно здесь Некрасов цитирует высказывание Бугаева о том, что русские – арийцы (Некрасов 1904. С. 240). Едва ли теософские увлечения Бугаева, связанные с его интересом к Индии, остались не известны Некрасову. Стремление соединить науку и религию, а

также описать эволюцию человечества как следствие передачи тайного знания посвященными (“вдохновенными людьми”) ближайшим образом напоминает аналогичные попытки теософов. Пожалуй, самой знаменитой из них стала книга Эдуарда Шюре “Великие посвященные” (“Les Grands Initiés”, 1889). Она тем более могла привлечь московских математиков, видевших себя последователями пифагорейцев (Светликова 2011), что Шюре, посвятивший Пифагору самую большую главу, изобразил его арийцем.

Литература

- Белый 1989 – Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989.
- Бобынин 1896 – Бобынин В.В. Математика // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XVIII. С. 781–795.
- Ващенко-Захарченко 1882 – Ващенко-Захарченко М.Е. Исторический очерк математической литературы индусов. Киев, 1882.
- Некрасов 1904 – Некрасов П.А. Московская философско-математическая школа и ее основатели // Математический сборник. М., 1904. Т. 25 (1).
- Светликова 2011 – Светликова И.Ю. Московские пифагорейцы // Интеллектуальный язык эпохи: История идей, история слов / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2011. С. 117–141.
- Соловьев 2003 – Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003.
- Фламарион 1902 – Фламарион К. “Неизвестное”. Явления области психизма: ясновидение, внушение, телепатия, явления призраков, предчувствия, вещие сны. СПб., 1902.
- Уланова 2008 – Уланова А.В. Архивный фонд Николая Васильевича Бугаева в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов отдела редких книг и рукописей (к 60-летию образования Отдела). М., 2008. С. 48–56.